

Фу Цюань велел тюремщику передать Эротические картины осени Линь Му и произнес:

— Его Высочеству наследнику принцу стоит внимательно изучить их во время купания. Уверен, Ваше Величество будет весьма доволен.

Линь Му с малых лет воспитывали в духе добродетели и человеколюбия, поэтому он даже не представлял, что это за картины, и спросил:

— Зачем?

Фу Цюань прищурился, уголки его губ едва заметно приподнялись. Понизив голос, он ответил:

— Это весьма полезная вещь. Как только Его Высочество ознакомится с ними, то сразу постигнет скрытую в них истину.

В главном дворце Гун Динчэнь, облаченный в желтые одежды, восседал на верховном троне, острым взглядом изучая Канцлера, пришедшего просить о высочайшем соизволении. Его власть держалась на поддержке Канцлера, который на людях был лишь подчиненным, а в душе — почитался чуть ли не как отец нации. Это вынуждало Гун Динчэня опасаться его влияния.

— Не знаю, по какому делу Канцлер пожаловал сегодня?

Хотя он задал этот вопрос, ответ был очевиден. Канцлер явился столь поспешно явно из-за него. И точно, Канцлер даже не стал тратить время на светские любезности и прямо перешел к делу:

— Прошу Ваше Величество как можно скорее казнить принца бывшей династии, Линь Му.

Брови Гун Динчэня на мгновение дрогнули, но тут же расправились. Он ответил легко и небрежно:

— Отчего же Канцлер так торопится? Чем может быть опасен какой-то там принц павшей династии?

— Принц Линь Му всегда умел склонить людей на свою сторону своей добротой. При дворе немало остатков его сторонников. Если не уничтожить его сейчас, боюсь, он начнет скупать людские сердца, плести заговоры и однажды попытается вернуть былое величие. Тогда это станет угрозой для Вашего Величества.

— Канцлер, вы мастерски владеете красноречием, но от ваших слов у Меня голова пошла кругом, — он холодно усмехнулся. — Сейчас Линь Му находится в Моем Дворце Десяти Тысяч Казней, день и ночь под надзором. Он лишен возможности общаться с внешним миром, так как же он может плести заговоры? — В его глазах промелькнуло презрение, а голос стал жестким. — Или это Канцлер до сих пор таит обиду на прежнюю династию и хочет чужими руками выкорчевать ее корни?

Гун Динчэнь был столь переменчив в настроении, что даже Канцлер вынужден был проявлять осторожность. Он поспешно начал оправдываться:

— Ваше Величество, сжальтесь, я не смею! Я лишь опасаясь, что он может навредить Вам.

Гун Динчэнь слушал его с равнодушием, вертя в руках императорскую печать, словно вовсе не принимая беспокойство Канцлера всерьез.

— Если он сам пожелает покориться, это позволит Мне избежать обвинений в жестокости и истреблении рода, а заодно стяжать славу милосердного правителя.

— Боюсь, он лишь притворится, что сдается, а сам будет таить злобу.

На губах Гун Динчэня играла улыбка, от которой по спине пробежал холодок:

— Не беспокойтесь. У Меня найдется способ заставить его преданно служить Мне.

Канцлер, не добившись своего, был вынужден удалиться. Он никак не ожидал, что человек, который не побоялся совершить государственный переворот, будет медлить с убийством опального принца. Теперь казалось, что положение этого принца в сердце Гун Динчэня куда значительнее, чем можно было предположить. Но Линь Му должен умереть.

После наступления темноты над дворцом пошел мелкий снег. Фу Цюань полагал, что из-за скользких дорог Гун Динчэнь не придет, но его одержимость Линь Му оказалась куда сильнее.

— Все готово?

Увидев, что император вышел из паланкина, Фу Цюань поспешно подошел и раскрыл над ним бумажный зонтик:

— Ваше Величество, не извольте беспокоиться, ваш слуга все подготовил. Надеюсь, вы останетесь довольны.

Войдя во Дворец Десяти Тысяч Казней, Гун Динчэнь остался доволен увиденным. Линь Му перевели из темницы в боковой зал, который, хоть и уступал императорским покоям, был вполне пригоден для жизни. Заметив легкую улыбку на лице государя, Фу Цюань решил пояснить:

— Прошу, взгляните, Ваше Величество. — Он велел зажечь фонари у окон. — Окна заклеены особой бумагой: свет снаружи проникает внутрь, но изнутри наружу — нет. Даже если в комнате горят свечи, снаружи не будет видно теней. Тогда Ваше Величество сможет делать все, что пожелает. — Он прикрыл рот рукавом и низко, воровато хихикнул.

Голос Гун Динчэня мгновенно стал тяжелым и холодным:

— Делать все, что пожелаю?

Фу Цюань поднял глаза, увидел мрачный взгляд императора и тут же рухнул на колени:

— Ваш слуга сказал лишнее! Прошу Ваше Величество наказать меня!

Гун Динчэнь смотрел на него сверху вниз, словно пытаясь прожечь взглядом дыру в его голове:

— Если еще раз услышу подобные речи от тебя или от кого-то другого, принесешь Мне свою голову.

Фу Цюань обливался холодным потом, его ноги подкашивались. К счастью, в этот раз Гун Динчэнь ограничился лишь предупреждением. Он приказал отослать всю стражу из окрестностей бокового зала, велел им нести караул за пределами дворца, после чего сам толкнул дверь и вошел.

— Ваше Величество, наследный принц, он... — перед тем как отступить, Фу Цюань прошептал ему несколько слов на ухо.

Внутри комнаты Линь Му лежал на кровати, завернутый в одеяло, обнаженный. На полу у изголовья были разбросаны обрывки бумаги. Услышав шаги, он принял вошедшего за Фу Цюаня и с гневом воскликнул:

— Что ты мне подсунул? Живо убери эту мерзость!

Гун Динчэнь заинтересовался. Он подобрал несколько клочков, взглянул на них, и его глаза внезапно потемнели.

<http://bllate.org/book/19081/1873912>